

© Д.В. Громов

КАК ВОЗНИКАЮТ МОЛОДЕЖНЫЕ УЛИЧНЫЕ ГРУППИРОВКИ (СЛУЧАЙ МАЛОГО ГОРОДА)

Ключевые слова: молодежные уличные группировки, малый город, асоциальная деятельность, теория мобилизации ресурсов

В статье рассмотрены факторы, влияющие на активность молодежных уличных группировок одного из малых городов России на протяжении 1950-х – 2010-х годов. В числе этих факторов: 1) увеличение в городе общего количества молодежи; 2) появление здесь компактно проживающих приезжих (особенно девушек); 3) активность асоциальных лидеров; 4) появление возможности криминального заработка. Важность данных факторов подтверждается сравнительным материалом из других городов. Вопреки ожиданиям, информанты сравнительно редко указывают среди значимых факторов социальные проблемы последних десятилетий – обнищание населения, отсутствие работы и перспектив, пьянство, наркоманию; причина этого в наличии компенсаторного механизма, обеспечивающего отток активной молодежи в более богатые ресурсами регионы.

DOI: 10.31857/S086954150001483-1

Существование сообществ, объединяющих молодых мужчин (старших подростков и юношей), является константой для различных культурно-исторических ситуаций; их возникновение и формы бытования обусловлены потребностями возрастного развития и социализации (Кон 2009). В частности, этнографически достаточно хорошо описана молодежная мужская среда, существовавшая в российских деревнях и городах в конце XIX – начале XX века (Бернштам 1988: 57–58, 92–96; Щепанская 2001; Кабакова 2004; Слепцова 2013; и др.); молодые мужчины здесь формировали сообщества по территориальному принципу; эти сообщества имели досуговый характер, однако участие в них может рассматриваться и как социализирующий фактор. В XX – начале XXI в. подобные молодежные сообщества, построенные по территориальному принципу, продолжали существовать (Головин, Лурье 2008).

Насколько участие в таких сообществах предполагает агрессивное и деструктивное поведение? Этнографические материалы о русской деревне свидетельству-

Дмитрий Вячеславович Громов | <http://orcid.org/0000-0002-0443-8718> | gromovdv@mail.ru | д.и.н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32-а, Москва, 119991, Россия).

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [грант № 17-01-00362].

ют о межгрупповой конфликтности, выражавшейся в драках; в некоторых случаях (в частности, имеющих календарную привязку) в них были задействованы мужчины разных возрастов, но в целом инициатором конфликтности являлась неженатая молодежь; одним из мотивов конфликтности в данном случае была конкуренция за общение с женским полом. Рассматривая данные о сообществах 1960-х — 2010-х годов, можно выявить два крайних состояния: с одной стороны, это сообщества аморфные, не предполагающие обязательного участия, неагрессивные, терпимые к посторонним, законопослушные, предполагающие равноправие полов; с другой — организованные, предполагающие обязательность участия, агрессивные (в том числе по отношению к не участвующим в группировках), склонные к криминальной деятельности, сексистские (Громов 2009а); характеристики конкретных групп варьируются в рамках данных двух крайних состояний. В целом уличная молодежная среда¹ достаточно миролюбива; однако ее социально-возрастные характеристики (деятельная активность, следование канонам брутальной маскулинности, межгрупповая конкуренция) создают многочисленные поводы для проявления асоциальности и агрессивности. Мужские молодежные сообщества несут в себе потенциал конфликтности; их можно рассматривать как риск-солидарности (Яницкий 2004). Если говорить с позиций социологии риска, подобные группы выступают одновременно и как производители, и как жертвы риска, поскольку они как акторы встроены в тесную сеть социальных отношений, обусловленных межгрупповой коммуникацией и напряженностью. Речь идет о средовом риске, обусловленном условиями жизнедеятельности социальных субъектов (Зубок 2003: 122); «боевое братство» формирует особую молодежную субкультуру, в которой такие ценности, как агрессивность, нетерпимость, экстремизм и т.д., являются базовыми» (Бочаров 2011: 624).

Согласно терминологии Э. Дюркгейма, традиционные уличные сообщества относятся скорее к механическим солидарностям, чем к органическим (Дюркгейм 1996: 77–140); членство в них обусловлено в большей степени соседским проживанием, совместным взрослением, включенностью в локальные коммуникативные сети, чем сознательным объединением на основе общих интересов и ценностей. Однако возникновение дополнительных факторов может подталкивать данную среду к значительной самоорганизации и активизации, выражающейся в асоциальной деятельности. По окончании действия факторов среда возвращается в изначальное аморфное состояние, коммуникативные сети сохраняются (конечно, если их участники не покидают места жительства). В общем-то в том, что касается уличной конфликтности, правильно говорить не столько о формировании группировок, сколько о ситуативном усилении асоциальной активности в уличной среде. В своем аморфном повседневном состоянии молодежные коммуникативные сети невидимы для жителей городов (они не проявляют себя, не создают событийной повестки); но стоит начаться дракам, нападениям и криминальной деятельности — о данной среде узнают, и это воспринимается именно как возникновение группировок, тем более что действительно происходит самоорганизация, выдвигаются лидеры и т.д. Внимание исследователей и за рубежом, и в России также привлекают преимущественно активные сообщества (группировки) (Youth 2008; Громов 2009а: 64–67), неагрессивная молодежная среда, питающая их, обычно остается вне зоны внимания.

* * *

Летом 2010 г. мы провели в одном из малых городов средней полосы России недельное исследование, посвященное местным молодежным уличным сообществам (как современным, так и существовавшим в прошлые десятилетия). Одной из целей

этого исследования было выявление факторов, влияющих на повышение асоциальной активности местной молодежи и на формирование в уличной среде группировок.

Было индивидуально опрошено 13 информантов в возрасте от 21 года до 92 лет; кроме того, было проведено три групповых интервью, встроенных в повседневные практики местной уличной молодежи.

Наше исследование является первым в своем роде, поскольку до сих пор изучалась только молодежная уличная жизнь крупных и средних городов (Москва и ближнее Подмосковье, Казань, Ульяновск, Улан-Удэ, Киров, Тбилиси), малые города оставались вне поля зрения исследователей. Исключение составляют интереснейшие статьи Е.В. Кулешова (*Кулешов* 2001а, 2001б, 2002), в начале 2000-х годов работавшего в Тихвине (Ленинградская обл.). Однако наш подход предполагает бóльшую системность. Во-первых, мы пользовались специально разработанным нами опросником, охватывающим все стороны деятельности молодежных уличных группировок (*Громов* 2009б); данный инструмент прошел апробацию практикой, он многократно использовался нами и другими исследователями, дорабатывался. Во-вторых, нами был охвачен длительный период времени (с конца 1940-х годов до настоящего времени), в ходе которого происходило изменение исследуемого явления.

При проведении исследования мы почти всегда открыто сообщали о своих научных интересах; наши собеседники знали, что сообщенная ими информация может быть опубликована, и шли на разговор осознанно. Тем не менее, учитывая специфичность собранного материала, мы решили не сообщать названия города, в котором проводилось исследование, дабы публикации не нанесли вреда героям статьи. В данном случае важна не точность этнографического документирования, а типичность явления: сходные процессы могли бы происходить в других городах, сопоставимых с исследуемым городом по своим социальным характеристикам.

Беремся предположить, что случай рассматриваемого нами города типичен. Однако не будем говорить о повсеместности существовавшего в нем положения вещей. В 2011–2013 гг. мы в составе этнографических экспедиций Государственного республиканского центра русского фольклора посетили ряд малых городов Костромской области (Галич, Кологрив, Мантурово, Шарью), однако столь развитых молодежных уличных сообществ там не обнаружили. Вернее, они существовали, были построены по универсальным принципам; однако не были повсеместными — как правило, охватывали отдельные районы, существовали на протяжении ограниченного времени. В рассматриваемом же нами случае активная молодежная среда существовала практически во всех районах города, о группировках известно на протяжении как минимум последних семидесяти лет.

Исследуемый нами населенный пункт относится к категории малых городов; население таких городов не превышает 50 тыс. чел., в нашем случае — менее 20 тысяч человек. На протяжении всего XX в. город почти не был затронут войнами. До недавнего времени здесь существовало крупное предприятие, обеспечивающее местных жителей работой, и еще несколько заводов; последнее время центральное предприятие закрыто, производство в городе сведено к минимуму. Многие мужчины трудоспособного возраста работают в других городах; например, вахтовым методом — в охранных предприятиях Москвы. В часе езды на автобусе находится крупный город (более 100 тыс. чел.), частично обслуживающий потребности в работе и обучении.

В данной статье мы хотим рассмотреть вопрос: *какие факторы способствовали возникновению в исследуемом городе уличных группировок и усилению асоциальной уличной активности*. Применительно к крупным городам на такой вопрос ответить непросто: происходящие процессы очень многоплановы, трудно составить о них полную картину, приходится довольствоваться изучением фрагментов. В рассма-

триваемом нами городе, напротив, жителей столько, что они, в принципе, все знают друг друга². В такой обстановке общая картина создается более цельной: удается охватить вниманием весь город и происходящие в нем процессы, жители в беседах делали обобщения и рефлексировали происходящее. Дополнительный взгляд на уличную жизнь в городе дало взятое в последний день интервью с полковником милиции Ш., курирующим работу с молодежью.

В качестве теоретической рамки для анализа механизмов возникновения социальных сообществ удобно использовать теорию мобилизации ресурсов (Jenkins 1983). Согласно данной теории, социальные процессы в их динамике построены на привлечении различного рода ресурсов: организационных, информационных, финансовых, материальных, социальных, демографических и т.д.

В ходе исследования были выявлены следующие факторы, значимые для повышения уличной молодежной активности.

Наличие большого количества молодежи (демографический ресурс) является в данном случае фактором номер один; молодежной активности без ее носителей быть не может.

Рассуждая о высокой уличной активности в прошлые десятилетия, информанты связывают это с большим количеством детей в семьях; в качестве дополнительных факторов могли указываться высокая плотность заселения и установка на открытость в общении.

“В доме по улице Ленина, то, что к стадиону-то... у нас были двенадцать семей... всех перечислю. <...> В некоторых квартирах были подселенные... вся эта армия голодных, без каких-то либо подсобного хозяйства, вот на таком пайке — выживала. Ну как не родиться коллективизму, когда все одинаковы” (ПМА: РВ, 1940-е — нач. 1950-х)³.

“Здесь, говорят, драка была, на мосту около милиции, — район на район, но все зависит тоже от населения — если в семьях раньше было по девять-десять человек (вот рождаемость какая была), а сейчас — хорошо два ребенка в семье” (ПМА: ШС, 1960-е — 1970-е).

Самими информантами увеличение активности тех или иных районов города связывается с увеличением в них количества молодежи:

«Шанхай — это самый большой район. Потому что в каждом доме... как только в окно посмотришь, высыпало вот такой вот шпингалечи... Было много. <...> И, как правило, попробуй затронь такую армию — “как подыметесь китай — сохи, бороны кидай”. И Шанхай боялись не потому, что там ребята сильнее или чего-то, а слишком много их. Ведь вот попробуй, одного тронь — там столько поднимется домов. <...> В этом смысле считался Шанхай самым сильным по численности и густонаселенности. И по организованности своей» (ПМА: РВ, 1970-е).

“Сначала в Шанхае было много молодежи — и наши били Салотопку. А теперь — на Салотопке стало больше, и они бьют наших” (ПМА: ОА, 2000-е).

“<Соб.: Почему об активности Кирпичиков последнее время не рассказывают?> Потому что рождаемость снижается, детей в этом районе меньше становится, поэтому район затихает” (ПМА: ШС).

При сравнении с другими городами данная закономерность подтверждается; в частности, удобные условия для возникновения уличных группировок складываются при компактном заселении ведомственных домов молодыми семьями — через некоторое время появляется большое количество детей, которые затем становятся подростками. Примером могут служить Набережные Челны, давшие в 1980-х годах наиболее, пожалуй, яркий пример формирования молодежных уличных группировок; их участники были детьми молодых строителей и работников нового заво-

да КАМАЗ, в школах тех лет существовало по восемь-девять параллельных классов. Сходная ситуация отмечалась в 1980-е годы в Ижевске, в кварталах, заселенных молодыми семьями работников местного автозавода (Демиденко 2009: 271, 273).

Отмеченная связь коррелирует с теорией “молодежного навеса” (youth bulge), согласно которой увеличение доли молодежи в обществе является фактором, способным вызвать социальную и политическую дестабилизацию. Эта закономерность прослежена с помощью анализа многочисленных революций и войн, происходивших в мире (Cincotta 2003: 42–49); фактор “молодежного навеса” учитывается при рассмотрении и прогнозировании социально-политических кризисов (Working 1999: 51, 56, 57, 61, 66, 67). В расширенном понимании данная теория применима не только к государствам, но и к отдельным регионам; например, в условиях России концентрация в столице активной молодежи из провинции ведет к усилению здесь политического активизма. Нам кажется, что уместно провести аналогию и с уличными группировками: увеличение количества молодежи в районе (так же как увеличение “молодежного навеса”) ведет к усилению группировок и повышению уличной активности, в том числе криминальной и околокриминальной.

На настоящий момент из исследуемого нами города, как и из большинства малых городов России, происходит катастрофический отток молодежи; официальной статистики не ведется, но по оценкам наших информантов около 80% юношей и девушек покидают город после окончания школы (в других исследованных нами городах этот процент не ниже, иногда доходит почти до 100%). Такой отток обуславливает ослабление уличных группировок и других молодежных сообществ. Однако в исследуемом городе они не исчезают совсем, и это привело нас к следующему предположению. Сохранению в городе активной молодежи способствует то, что ближайший крупный город находится примерно в часе езды; молодежь, уезжающая туда, часто бывает дома и не теряет связи со своим подростковым кругом общения. Например, об одном из районов говорили: “Поскольку там дома пятиэтажные, панельные, там население с большим достатком живет. И поэтому их дети, молодежь учатся в больших городах, много студентов. Но это не мешает им драться между собой район на район” (ПМА: КО). К сожалению, мы не конкретизировали этого вопроса в нашем исследовании, но некоторые из наших информантов точно учились в крупном городе, приезжая домой на выходные и иногда даже в будние дни. Для сравнения, все рассмотренные нами малые города Костромской обл. находятся значительно дальше от крупных городов (в том числе от областного центра), и молодежь, уезжающая на учебу или работу, оказывается оторвана от родных мест в значительно большей степени; соответственно, молодежные сообщества в таких отдаленных малых городах развиты значительно слабее. Таким образом, наличие поблизости крупного города является ресурсом, позволяющим поддерживать местные молодежные сообщества (впрочем, данный тезис является только предположением и нуждается в уточняющей проверке).

Появление в городе инородной молодежи. Для малых городов типична проблема противопоставления “своих” и “чужих”; сегрегация групп внутри городов может быть весьма устойчивой, несмотря на длительное совместное проживание (Плюснин 2013). Если во взрослой среде это существование может быть бесконфликтным, то в молодежной (в мужской части) оно очень часто ведет к напряженности.

Как мы уже говорили, население исследуемого нами города довольно стабильно: этот край не пережил многих потрясений XX в., полностью сменявших население целых регионов; в частности, здесь не было боевых действий в годы Великой Отечественной войны. Показательно, что самый старший из наших информантов, мужчина в возрасте 92-х лет, родился и прожил всю жизнь в одном доме (“этому

дому 160 лет наверняка” [ПМА: АФ]), где, собственно, и происходила наша беседа. Его дочь [ок. 1950 г.р.], рассуждая о стабильности здешней жизни, указала в качестве фактора, нарушающего эту стабильность, появление приезжих:

“Просто до этого были люди местные, а потом стали приезжать. То был местный клан, а когда люди приезжают – у них свои традиции” (ПМА: АФ2).

В качестве компактной группы приезжих она называла студентов местного СПТУ, приезжавших из близлежащих деревень и маленьких городов (“Трактористы, шофера. Эх, выпустило их много!” (ПМА: АФ)):

“И вот строились общежития, и там люди сходились, женились, у них появлялись семьи – и уже население города у нас изменилось. Очень здорово изменилось после <...> Часто еще недолюбливали ребят из ПТУ, тоже куда-то не допускали. <Соб.: Из ПТУ – потому что приезжие?> Они приезжие, конечно...” (ПМА: АФ2).

В качестве приезжих указываются жители окрестных деревень, разными путями переезжающие в город: “Из ближних деревень все в город переехали. Деревни пустые стали, а все работают здесь. Дома перевозили из деревень: в деревне дом был – перенесли его” (ПМА: АФ). В появлении здесь посторонних людей усматривается причина разных негативных явлений, в частности, “раньше не мусорили в лесу и реке, потому что было мало приезжих. Раньше не бросали и на улицах – боролись за чистоту” (ПМА: АФ).

В данном случае мы видим довольно часто встречающееся явление: компактная группа инородцев становится источником недовольства местных жителей и конфликтов. С одной стороны, появление чужих активизирует местных, подталкивает их к соперничеству; с другой стороны, инородцы осваивают новое для себя пространство, при этом они могут выступать слаженно и осуществлять противоборство с местными. Например, в Мантурово Костромской обл. наиболее крупные драки в истории города происходили между строителями фанерного комбината (“химиками”) и местной молодежью.

В крупных городах России катализатором конфликтов часто являются приезжие этнические инородцы, в особенности выходцы с Кавказа и из Средней Азии. В советское время такие компактные группы возникали при спецнаборах для работы на предприятиях или обучения в средне-специальных учебных заведениях. Так, появление в начале 1990-х годов в одном из техникумов г. Галича Костромской обл. по спецнабору группы студентов из Казахстана привело к вспышке активности местного населения. Иногородние студенты здесь и раньше учились, но данная группа оказалась на редкость агрессивной, и спокойный ранее город объединился против них; в первых рядах протестующих была молодежь: происходили драки, блокировалось общежитие техникума, проводились массовые митинги; до настоящего времени сохранились остатки протестных граффити. Впрочем, активность галичан имела ситуативный характер – после отъезда студентов здесь не осталось агрессивных объединений, активность быстро затихла.

В постсоветские десятилетия источником напряжения являются расширяющиеся этнические диаспоры. В описываемом нами городе заметного притока этнических инородцев нет, однако в разговорах с молодежью заметна готовность к конфликту: “А если бы они были, то была бы вообще вражда. Я их терпеть не могу!” (ПМА: Н). Обычно данный фактор не срабатывает, потому что нет повода, но потенция к конфликту и мобилизации сохраняется.

За отсутствием реальных конфликтов с инородцами выдумываются несуществующие. Так, один из информантов рассказал о крупных драках с рабочими-узбеками, некоторое время жившими и работавшими на местном комбинате и уехавшими якобы вследствие этого конфликта⁴. Проверка сообщения показала, что в реальности

драк не было, а уехали гастарбайтеры по экономическим соображениям. Да и сам информант при повторном опросе выдал значительно более скромное описание:

“Там не было как такового погрома, до него дело не дошло. Там было то, что пришли, дали... двум узбекам, залетным вообще. Сказали: ребята, давайте сворачивайте свою деятельность, а иначе будут погромы” (ПМА: КО).

К числу таких рассказов о конфликтах, которые “могли бы быть”, видимо, надо отнести и следующее сообщение:

“Раньше рынок у нас был – зайдешь, одна треть от всех продавцов хачики. А потом, на них наехали что ли – осталось два-три человека” (ПМА: С).

С точки зрения теории ресурсов здесь наблюдается двойственный процесс. С одной стороны, инородная молодежь приезжает на территорию для того, чтобы освоить здешние ресурсы (финансовые, материальные, образовательные, досуговые и проч.). С другой стороны, приезжие вступают в конфликт с местными юношами, которые ощущают посягательство на собственные ресурсы и выступают на их защиту. Впрочем, по большинству ресурсов соперничество кажущееся (например, приезжие никак не влияют на возможности местных получить образование), реальное соперничество традиционно возникает разве что из-за сексуального ресурса – местных девушек (о чем разговор пойдет ниже). Зато наличие пришлого противника ведет к активизации специфической для молодых мужчин деятельности – групповой конфликтности; таким образом, инородцы выступают как стимулирующий ресурс социального плана.

При сравнении с аналогичными процессами в других городах выявляется закономерность: появление сильного и агрессивного соперника ведет к активизации, объединению и сплочению прочих группировок. Так, возникновение в 1970-х годах в Казани активной группировки “Тяп-Ляп” привело к появлению других группировок, вынужденных противостоять ей: «Чтобы противостоять “Тяп-ляпу”, необходимо было усилить свою организацию, ужесточить дисциплину, отмотилизовать новых “бойцов”» (Стивенсон 2006: 103). Далее по цепной реакции группировки распространились по всему городу, что привело к возникновению так называемого “казанского феномена”. В одной из наших работ мы прослеживаем динамику изменения в 1980-х годах уличных группировок подмосковного города Люберцы (Громов 2006); мобилизация перед лицом сильного противника здесь прослеживается неоднократно. С одной стороны, имея рядом такое обширное и обладающее многообразными ресурсами пространство, как Москва, молодые люберчане прекратили конфликты между собой и сформировали общую идентичность – любера; впоследствии к этой идентичности примкнули юноши из других населенных пунктов Казанского направления железной дороги, а еще позже – молодежь из других городов Подмосковья. С другой стороны, экспансия люберов привела к объединительным процессам в среде московской молодежи – под влиянием внешней угрозы заключались союзы между группами, формировались новые сообщества (например, команды байкеров). Молодежная миграция извне как стимул “внутреннего терроризма” – проблема многих стран мира (Schomaker 2013).

Рассматриваемый нами фактор (появление в городе инородной молодежи) имеет и другой вариант, когда катализаторами конфликтов являются не приезжие (или просто более активные) молодые мужчины, а девушки. Если в первом случае группы местных юношей *объединяются против* инородцев, то во втором – они начинают *конфликтовать между собой* за право контролировать доступ к инородцам как ценному ресурсу.

Появление в городе “чужих” (вернее, ничьих) девушек было, судя по описанию, одним из главных факторов, обуславливающих взлет межгрупповых конфликтов

в 1970-х годах (“доходило до стрельбы даже” [ПМА: ШС]). Даже сравнительно молодые жители города, не заставшие тех лет и незнакомые с нынешними реалиями, знают о тех временах: “Сейчас никаких группировок у нас нет. Были... лет тридцать назад” (ПМА: ЖМ). Очевидец рисует впечатляющую картину массовых драк начала 1970-х:

“Я помню, мы идем с танцев, с нами девчонки. Двое девчонок, двое нас, сели на лавку у забора. Ёхарный, идет с одной стороны группа! Потом с другой стороны группа! Надо сматываться! Они, чувствуется, где-то здесь встретятся. Только во двор забежали, за забор этот ушли, а возле забора была поленница. Всю поленницу махом разобрали, забор повалили, и давай тут!.. Стекла полетели. А кто выйдет? Ты не выйдешь, когда тут камнями бросаются, орут, кричат” (ПМА: РВ).

Причина возникновения таких конфликтов указывается информантами – это появление в городе большого количества девушек. Дело в том, что работа на крупнейшем городском предприятии в то время считалась у местных жителей не престижной, поэтому вербовщики ездили по стране, приглашая девушек из других регионов:

“На комбинате труд тяжелый, поэтому стали разбредаться в другие организации, а на комбинат стали брать из других частей Советского Союза” (ПМА: НА).

“Кадров не хватало. Было свое училище профессиональное. И мы ездили за этими девчонками по всей стране. И в основном привозили девчонок из интернатов. Таких, кому деваться было некуда. И были, конечно, свои, местные, из деревень. Работать негде – стекались сюда. <...> Вот я с Тувы тогда девок привез – три девчонки. Летали на двух самолетах. Через три дня сбежали. Документы все оставили. И сбежали-то с квартиры, с третьего этажа, по простыни. С Абакана мы везли их поездом. Жара была – они надели прозрачные платья такие. Представляешь, упали в вагон, а там, в вагоне, солдатики, дембели ехали, с гитарами. Короче, они к ним прилепились как мухи. Может быть, они с ними и познакомились – те адреса свои дали, они и уехали. Они сюда приезжали, первое время их и кормили, и поили тут от комбината. Приезжали-то без штанов, без всего. На оборудовании учили, школа ШРМ была. Казалось бы, только работай и ищи себе пару. Некоторые так и делали” (ПМА: РВ).

Таким образом, в городе появился мощный ресурс, за который началась борьба. Один из наших информантов, работавший на тот момент в одном из женских общежитий и живший здесь же с семьей, рассказывал, что чуть ли не каждый вечер выдерживал оборону от молодых людей, пытавшихся проникнуть к девушкам (“и школьники были, и уже отслужившие” [ПМА: ОС])⁵.

Стремление получить контроль над тремя женскими общежитиями (которые, кстати, и находились неподалеку друг от друга) привело к укреплению уличных компаний и усилению конфликтов между ними. В принципе, конфликты из-за девушек – это константа существования молодежных уличных сообществ (о чем упоминалось в начале статьи применительно к традиционной русской деревне), но в данном случае этот конфликт перешел на более высокий уровень, потому что девушек было много, они были оторваны от своих семей и локализованы территориально:

«Группы были большие, человек по двадцать. Причина была в основном – это дележка девок. Потому что фабрика была самое большое предприятие в нашем городе, и здесь очень большое было женское общежитие. Их было три, и там было очень много девчонок молодых, приезжих со всех сторон. И вот в основном разборки такие и были. После танцев кто-то кого-то пошел провожать. “Ты наша, ты наша”, – и вот пошло. И из-за этого драки, лишь бы была причина. <...> И бывает – Шанхай на этих пошел (кто-то у кого-то там девку отбил). И старались все девчонок раста-

скивать по своим убежищам. Кто дружил в Шанхае — сюда, кто дружил там — туда ходили. А больше — политики вообще тут никакой не было» (ПМА: РВ).

Наличие асоциальных лидеров воспринимается как значимый фактор и важный ресурс для формирования группировок; по мнению некоторых информантов, и исчезают они, когда исчезают лидеры:

«Конечно, были у этих группировок какие-то свои главари. Они как бы были ведущие. Это обязательно, поскольку за ними тянулась вся остальная молодежь. К ним жаловались. Они парни постарше были, ближе к армии, хорошо физически развитые. <...> Года три такое происходило. Потом стали жалобы от населения поступать. Вот, “у нас тут драка происходила”, там-то драка была. И начала этим милиция интересоваться уже вплотную. Стали выявлять лидеров и все такое. И некоторым пришли, и все закончилось. Пожалуйста: убрали — тишина стала. Но, бывает, и снова возникают. <...> Может быть, как один вот глупый лидер появился — и начинает. Собирается около него какая-то группа — и понеслось» (ПМА: РВ).

“Группировки возникают спонтанно. Вот в одном районе группировка сплотилась — начинают где-то что-то. Ее потеребили, в милицию потаскали — начинают еще где-то кто-то. Может быть условный срок наказания. Раз — распадается. (...) Группировки есть положительные, и есть отрицательные. То есть, есть где-то лидер — например, отец судимый. Сын у него родился, растет, у него вольный образ жизни — около него начинают сплываться подростки. Где-то что-то совершили, допустим, безнаказанно, еще что-то безнаказанно. И постепенно — там грабеж совершили, тут кому-то начистили лицо. И постепенно безнаказанность происходит — они перерастают на другой район. С этим районом подрались, с другим. <Соб.: То есть появляется одна активная группа, и от нее как бы зажигаются другие>. Да-да. (...) В основном все были исправимые. Убираешь лидера (хоть через условную судимость) — все, сразу группа распадается” (ПМА: ШС).

Механизмы идентификации групп через их лидеров повторяются, несмотря на шестидесятилетнюю разницу между описаниями:

«В каждом районе функционирует несколько небольших банд (скажем так). И у каждой из них есть такой... лидер, наверное, все-таки. Они идут, например, по чужому району, их гопники с того района ловят и говорят: мы сейчас будем бить. Он им отвечает: “А вы знаете такого-то, такого-то” (своего лидера). — Типа “знаем”, и отпускают» (ПМА: КО, 2000-е). «Каждая улица старалась держать свой верх. У улицы свои были диктаторы. Как правило, вылавливал и все вопросы там — “есть вожак?”» (ПМА: РВ, 1940-е — нач. 1950-х).

Особое внимание информанты уделяют случаям, когда лидером оказывался человек, связанный с криминальной деятельностью:

«Вот у нас были группы. Назывались они порой по лидеру. Лидеры были тюремщики. Вот, пришел тюремщик, из тюрьмы. И вот кликуху давали ему. Он был главарь, мог любого заказать. К нему приходили, заказывали пацанов, допустим, кого-то либо. И вот, он зазывал к себе, собирал вот эту шайку. Ему всё приносили. Он сам не воровал, а ему всё приносили. Он как руководил. И делил. “Ты столько принес, другой там столько принес”. Шайки образовывались так: сначала подростки учились, попадали за эти дела — кто-то украл, кто-то что-то сделал посерьезнее; их сажали, оттуда они уже выходили академиками... бандюжками, бандюгами... И они уже руководили. (...) Потом шайки стали пропадать, их больше не стало. Но нелегально они все-таки где-то группировались в связи с тюремными руководителями, кто приходил из тюрьмы. Их всё равно разоблачали, подвергали, судили. Только кто-то попадал под их влияние путем каких-то страшилок. Или “мы тебя зарежем”,

или “мы тебя убьем” – обязательно строились какие-то интриги для этого; исходя из характера юноши или девушки их запугивали» (ПМА: КВ, 1940-е – 1950-е гг.).

“А придут из заключения, конечно, которые – они собирались группами, и их очень боялись. (...) И вот Пески – там тоже неблагополучная обстановка. Там тоже заключенных много. Они сбиваются в группы, воруют” (ПМА: НА).

“Есть многодетная семья Л-ых, она вся судимая. Не успеют выйти – опять уйдут. Были случаи – дети по пять, по шесть лет, старшие судимые-пересудимые – и вот опять группировка, семейная группировка, старший учит младших” (ПМА: ШС).

Полковник милиции Ш. подтвердил, что борьба против группировок предполагает, прежде всего, нейтрализацию лидеров.

«Лидер был. Раз попался, другой раз попался. Потом я ему: “Приходи ко мне в милицию”. Он идет такой [гордый]: милиция меня вызывает, авторитет. Я ему говорю: “Ты должен мне бутылку водки купить, контрольную закупку сделать”. Всё, закупил. И – группе говорю: “Он работает на милицию, помогает тут выявлять правонарушителей, которые вам водку продают”. <Смеется>. Губу надул... Лидер...» (ПМА: ШС).

Действия Ш. типичны: милиция часто производит развал группировок через работу с лидерами; методика такой работы изложена в специальных внутриведомственных изданиях. Здесь задействован большой набор приемов – от публичной демонстрации работником милиции панибратства с лидером (что компрометирует его в глазах рядовых членов) до многоходовой оперативной работы, связанной с замещением нелояльного к властям лидера лояльным (Промов 2009а: 56–58).

Роль лидеров в формировании молодежных сообществ просматривается и в формировании некоторых субкультурных молодежных групп в городе. В отличие от территориальных группировок, эти сообщества являются идеоцентрическими (т.е. формируются вокруг некоторой идеологии, символики и проч.). “Неформалы”, как обычно называют участников субкультурных объединений (в России устоялся термин “неформальные объединения молодежи”), как правило, вступают в стилистический конфликт с участниками уличных группировок, однако бывают и исключения: уличная молодежь активно принимает на себя субкультурную символику (это касается, прежде всего, субкультур, предполагающих брутальную маскулинность – футбольных фанатов, байкеров, скинхедов, рэперов, поклонников тяжелого рока и др.). В случае исследуемого нами города есть общегородская тусовка “неформалов” (очень аморфная и собирающаяся ситуативно) и несколько крепких компаний, объединяющих друзей, живущих рядом или учившихся вместе (панки, рэперы, металлисты). То есть такие субкультурные объединения выстроены не только по идеоцентрическому, но и по территориальному принципу: “На Салотопке – панки. В Шанхае – рэперы” (ПМА: КО). Таким образом, объединения выстраивались не как содружества увлеченных из разных районов, а как традиционные уличные группировки⁶. По крайней мере, об одном из таких сообществ мы можем сказать точно: оно возникло вокруг лидера. Олег К., талантливый и активный молодой человек, выступил идеологом и организатором для своих друзей:

“Не могу сказать, что я был первый панк и единственный, но один из первых. В силу своих убеждений я окультуривал здесь панк, культивировал. <Соб.: Был просветителем?> Да. Я думаю, в какой-то степени да. (...). Вот в нашей тусовке, у панков в Амбаре, я лидер, например. Но это не потому ведь, что я всех могу [отлупить], а потому что я могу языком молотъ” (ПМА: КО).

В разговоре он высказывал мнение, что многие субкультурные объединения возникают вследствие активности лидера:

“Я считаю, что скинхеды – это более организованное течение. Должен быть лидер, который скажет людям, кто такой скинхед. А так люди довольно темные, они не знают про скинхедов просто. <Соб.: Но ведь очень часто уличные компании переходили в скинхеды>. Да, но кто-то ведь их туда переводил, понимаете? Искра была. До нас это не дошло (к счастью, наверное)” (ПМА: КО).

Появление возможности криминального заработка – ресурс, который способствует активизации молодежных уличных группировок. В условиях рассматриваемого нами города наиболее яркий пример – возникновение разбойного промысла на дороге в 1990-х годах. Примечательно, что с исчезновением возможности этого промысла перестали проявлять себя и группы, им занимавшиеся:

“К примеру, была у нас дорога. Вот идет она <указывает за окно>. По ней все КАМАЗы с грузами шли через город. Поворот на 90 градусов и сразу после этого поворота – подъем на крутую гору. КАМАЗ поворачивает – скорость его 5–10 километров в час. Начиналось с того, что некоторые машины открывались – арбузы, что-то еще скатывалось с этой горы. Это первоначально было, сам наблюдал: едет – скатилось. Впоследствии стали запрыгивать на эти машины и скидывать. Начали возникать группировки. Мы, милиция, уже силовыми методами начали этим заниматься. Впоследствии стали крюки прикреплять [к бортам, дверям]. Вот стоит знак Stop – одна группа подходит с маленькими радиостанциями. Такие группы появились – с лидерами, с организаторами, исполнителями. Машина стоит на стопе – берут тросик с крюками к столбу и к замку. Она дергается – машина поехала, дверка раз, открылась. Она поворачивает – туда запрыгивают и начинают. Руками, прям, сдают – водку, всё что везут. Что мы ни делали – бесполезно. Через день ловили. (...). Три дня затишье – опять пошло. (...) Мешок муки, например, продавали за полцены по сравнению с магазином. Уже были свои перекупщики. Сделали объездную – эти группы распались. То есть сама обстановка провоцировала на это. Если нормализовалась – группировки распались” (ПМА: ШС).

По мнению нашего информанта 1937 года рождения, появление в начале 1950-х годов у молодежных шаяк криминальных лидеров связано с ростом благосостояния населения. До этого, в военные и послевоенные годы, детское и подростковое воровство было распространено, но касалось только продуктов питания и имело целью физическое выживание: “Воровство рождалось только от того, что не было покушать” (ПМА: КВ). Появление возможности криминального заработка вывело деятельность на новый уровень:

“В 50-х годах где-то велосипеды стали появляться, цивилизованность началась... У нас возникла зависть к тем, кто имел велосипед... И эти ценности как бы уже привлекали его грабануть. Это уже предмет роскоши. Вот тут уже началось у нас: карманники появились, домушники появились из молодежной среды” (ПМА: КВ).

Проводя аналогию с другими городами, можно отметить, что с экономическими причинами связано появление первой советской молодежной группировки – уже упоминавшегося выше “Тяп-Ляпа” (Стивенсон 2006: 102–104). Возможность зарабатывать, осуществляя “силовое предпринимательство”, привела к повсеместному появлению в 1990-х годах криминальных “бригад”. Эти преступные сообщества не были исключительно молодежными (их костяк составляли мужчины 25–30 лет), но по многим параметрам они были сходны с “пацанскими” группировками (собственно, воспроизводился социальный опыт, полученный участниками “бригад” раньше).

Социальные проблемы. Общественное мнение (выражаемое, в частности, через публикации в СМИ) очень часто объясняет существование в российских городах уличных группировок и “гопоты” наличием социальных проблем. Пospорить

с этим, конечно, трудно. Например, полковник Ш., не отрицая важности других факторов, говорил применительно к дорожному разбою 1990-х следующее:

“По группировкам — много зависит не только от подростков, но и от обстановки в стране, в городе. Провоцировала сама *жизнь* этих подростков. Зарплаты нигде не давали. Многие бедствовали, жили на пособие биржи (это копейки). Но жить не на что было. Работало одно предприятие практически. Но деньги — задержки были там по году, по два в заработной плате. Ну, и дети были кормильцы” (ПМА: ШС).

Однако, как нам кажется, нельзя и преувеличивать значение этого фактора. Показательно, что в нашем исследовании его указывали немногие информанты, и если взглянуть на историю уличных группировок в городе, то окажется, что максимум их численности приходился на 1970-е годы, когда не существовало многих нынешних социальных проблем, но были задействованы другие факторы, перечисленные нами выше.

Опыт 1990-х годов выявил один из механизмов, позволяющих снизить в малом городе напряженность, вызванную социальными проблемами: речь идет об оттоке активных людей в более крупные города (напомним также, что выше мы писали об оттоке молодежи как факторе, снижающем напряженность). При общем подъеме бандитизма в стране в 1990-е годы жители города вспоминают всего одну местную “бригаду” рэкетиров, да и то говорят о ней с пренебрежением; низкий уровень бандитизма объясняется тем, что активные, склонные к криминальной деятельности мужчины уезжали в другие города: “У нас все уезжали туда, как бойцы, мясо пушечное. Оттуда [их уже] привозили. Вроде накачанные — уезжали где-то туда поработать-поработать — сюда привезли” (ПМА: ШС). Наличие в крупных городах неизмеримо больших ресурсов создает социальное пространство для самореализации и нейтрализует фактор социальных проблем.

Перечислив факторы (ресурсы), способствующие возникновению группировок и активизации асоциальной деятельности, еще раз отметим, что во многих случаях при исчезновении действия фактора (уменьшении количества молодежи, удалении лидеров и т.д.) исчезают и группировки.

Насколько перечисленный набор факторов, активизирующих асоциальную деятельность и возникновение группировок в рассматриваемом городе, является стандартным? Несомненно, для точного ответа на этот вопрос нужны крупномасштабные исследования большого количества городов. Вызывает интерес сопоставление полученных нами данных с результатами крупномасштабного исследования, проводившегося с 1994 г. Государственной целевой группой изучения кризисных ситуаций (The State Failure Task Force), созданной Центральным разведывательным управлением США по инициативе вице-президента А. Гора. В ходе исследования было проанализированы кризисные ситуации (революции и гражданские войны), произошедшие в мире начиная с 1960-х годов, и выявлены факторы, повлиявшие на рост напряженности (Goldstone 2002; Cincotta 2003: 42–49). Наиболее значимые из этих факторов: увеличение доли молодежи в населении; рост количества образованной молодежи в городах; наличие у государства крупных социально-экономических и политических проблем; отставание темпов роста населения от темпов экономического роста; миграция этнических групп на территорию проживания других групп. Сопоставив данные факторы с выявленными нами факторами повышения асоциальной активности и возникновения уличных группировок в исследуемом городе, мы видим, что они достаточно схожи.

	Возникновение уличных группировок и конфликтов в исследуемом малом городе	Возникновение кризисных ситуаций в разных странах мира
	1	2
1.	Увеличение в городе общего количества молодежи	Увеличение доли молодежи в населении
2.	Появление в городе компактно проживающих приезжих (особенно девушек)	Миграция этнических групп на территорию проживания других групп
3.	Активность асоциальных лидеров	Рост количества образованной молодежи в городах
4.	Появление возможности криминального заработка	
5.	Наличие в городе социальных проблем	Наличие у государства крупных социально-экономических и политических проблем
6.		Темпы роста населения городов ниже темпов экономического роста

Конечно, проблемой данного сопоставления является то, что сопоставляются социальные процессы разного масштаба: “микроуровень” малого города и “макроуровень” государств. На каждом уровне процессы имеют свою специфику. Так, может показаться странным, что в строке 3 мы сопоставляем, казалось бы, несходные категории — асоциальных лидеров и образованную молодежь; однако обе эти категории являются стимуляторами социальной активности, они в одном случае выступают организаторами криминальной деятельности, в другом — являются авангардом протестных действий; поэтому функционально они сходны. Некоторые факторы имеют неочевидную, косвенную связь; так, отставание темпов роста населения от темпа роста городов (стлб. 2, стр. 6) на “макроуровне” соотносится с миграцией в города (стлб. 1, стр. 1–2) на “микроуровне”. Общее сходство двух групп факторов кажется нам очевидным и показательным.

* * *

Подводя итоги, отметим, что в число факторов, значимых для формирования молодежных уличных группировок и активизации асоциальной деятельности входят: 1) увеличение в городе общего количества молодежи; 2) появление здесь компактно проживающих приезжих (особенно девушек); 3) активность асоциальных лидеров; 4) появление возможности криминального заработка. Важность данных факторов подтверждается сравнительным материалом из других городов. Вопреки ожиданиям, информанты сравнительно редко указывают среди значимых факторов социальные проблемы последних десятилетий — обнищание населения, отсутствие работы и перспектив, пьянство, наркоманию; причина этого в наличии компенсаторного механизма, обеспечивающего отток активной молодежи в более богатые ресурсами регионы.

Перечень факторов возникновения уличных группировок и их криминализации в целом совпадает с перечнем факторов, обуславливающих напряженность (революции и войны) в мире.

Конечно, положения, изложенные в статье, нуждаются в уточнении, и помочь этому могут исследования в других малых городах, основанные на многофакторном анализе и учитывающие вариативность социальных параметров городов и культурно-исторического контекста существования молодежных сообществ.

Примечания

¹ Согласно данным исследования НИЦ “Регион”, проведенного в 2003–2004 гг. в ряде средних и малых городов России, к числу “дворовой” молодежи, проводящей время преимущественно недалеко от дома – на улице, во дворах, в подъездах – отнесли себя 38% молодых респондентов. (Нормальная 2005: 56–57). Предположительно, среди юношей этот процент значительно выше (девушки же большую часть времени проводят вне пространства улицы).

² Наши молодые информанты сказали, что, встречая на улице парня или девушку своего возраста, они, может быть, и не могут указать их имена, но всегда могут сказать, в каком районе те живут, в какой школе учатся, с кем дружат.

³ При ссылках на сообщения информантов указываются годы, к которым эти сообщения относятся, за исключением тех, в которых говорится о текущих и недавних событиях.

⁴ “Однажды молодые парни, у которых отцы, матери, братья потеряли рабочие места, просто собрались, пришли на фабрику ночью и всех отлупили. Поставили перед фактом – если вы будете здесь работать, мы вас просто уничтожим. И после этого то ли они сами отказались работать, то ли фабрика просто обанкротилась, и узбеки просто разбежались” (ПМА: КО).

⁵ Аналогичная ситуация существовала, например, в г. Касимове Рязанской обл. в 1980-х годах.

⁶ Показательно, что к конфликтам между субкультурами, если таковые происходят, могут подключаться и обычная уличная молодежь, живущая по соседству с неформалами и не разделяющая субкультурных идеалов. Так, нам рассказывали о конфликте между панками и рэперами, который вылился в драку, участники которой в подавляющем большинстве к числу неформалов не относились (ПМА: КО).

Источники и материалы

ПМА – Полевые материалы автора. Информанты: АФ – А. Федор Степанович, 1918 г.р.; АФ2 – женщ., ок. 1950 г.р., дочь АФ; ЖМ – женщ., ок. 1975 г.р.; КВ – К. Василий Васильевич, 1937 г.р.; Н – Николай, 1993 г.р.; КО – К. Олег, 1990 г.р.; НА – Н. Анна Дмитриевна, 1930 г.р.; ОС – О. Сергей Анатольевич, 1961 г.р.; ОА – О. Александр Сергеевич, 1989 г.р.; РВ – Р. Виктор, 1952 г.р.; С – Сергей, 1990 г.р.; ШС – Ш. Сергей Николаевич, 1971 г.р.

Нормальная 2005 – Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики. Ульяновск, 2005.

Howell 2008 – Howell J.C. Youth Gang Bibliography / (National Youth Gang Center). July 2008. <https://www.hsdsl.org/?view&did=30395>

Working Papers 1999 – Working Papers: State Failure Task Force Report: Phase II Findings // Environmental Change & Security Project Report. 1999. Iss. 5. P. 49–72.

Научная литература

Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988.

Бочаров В.В. Чеченская война как социально-возрастной конфликт // Антропология социальных перемен / Отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: Росспэн, 2011. С. 615–631.

Головин В.В., Лурье М.Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 56–69.

Громов Д.В. Люберецкие уличные молодежные компании 1980-х годов: субкультура на перепутье истории // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 23–38.

Громов Д.В. Подростково-молодежные уличные группировки как объект этнографического исследования // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Сост. Д.В. Громов; отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: ИЭА РАН, 2009а. С. 8–72.

Громов Д.В. Опросник для исследования молодежных уличных группировок // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Сост. Д.В. Громов; отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: ИЭА РАН, 2009б. С. 257–268.

Демиденко С.Ю. Ижевск. Автозавод. 1980-е годы // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Сост. Д.В. Громов; отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 269–304.

- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
- Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М.: Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии, 2003.
- Бабакова Г.И. Парень // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 633–635.
- Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2009.
- Кулешов Е.В. “Рыцари” подворотни. Заметки об уличных подростках города Тихвина // На путях к новой школе. На стороне подростка. 2002. № 2. <http://altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/7/5>
- Кулешов Е.В. Презентация маскулинности в подростковой субкультуре // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001 г. / Сост. К.А. Богданов, А.А. Панченко. СПб.: Алетейя, 2001а. С. 260–271.
- Кулешов Е.В. СобираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА в Тихвине: аксиология городского пространства // Живая старина. 2001б. № 1. С. 13–15.
- Плюснин Ю.М. Свои и чужие в русском провинциальном городе // Мир России. 2013. Т. XXII. № 3. С. 60–93.
- Слепцова И.С. Драки и иные способы повышения мужской самооценки в прошлом и настоящем // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: НЛО, 2013. С. 799–837.
- Стивенсон С.А. Казанский левиафан: молодежные территориальные группировки и проблема социального порядка // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 97–110.
- Щепанская Т.Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 115–177.
- Яницкий О. Риск-солидарности: российская версия // Интер. 2004. № 2–3. С. 52–62.
- Cincotta R.P., Engelman R., Anastasion D. The Security Demographic: Population and Civil Conflict after the Cold War. Washington, DC: Population Action International, 2003.
- Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. 2002. Vol. 56 (1). P. 3–22.
- Jenkins J. Craig. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements // Annual Review of Sociology. 1983. № 9. P. 527–553.
- Schomaker R. Youth Bulges, Poor Institutional Quality and Missing Migration Opportunities – Triggers of and Potential Counter-Measures for Terrorism in MENA // Topics in Middle Eastern and African Economies. 2013. Vol. 15 (1). P. 116–140.

Research Article

Gromov, D.V. How Street Youth Groups Emerge (The Case of a Small Town) [Kak vznikaiut molodiozhnye ulichnye gruppirovki (sluchai malogo goroda)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 5, pp. 180–196. <https://doi.org/10.31857/S086954150001483-1> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitrii Gromov | <http://orcid.org/0000-0002-0443-8718> | gromovdv@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

street youth groups, small town, asocial activity, resource mobilization theory

Abstract

The article discusses the factors that have influenced the activities of street youth groups in a small town of Russia during the 1950s–2000s. These are: 1) the growth of youth population in the town; 2) the appearance of visitors (especially young women) settling in compact clusters; 3) the activity of asocial leaders; and 4) the emergence of opportunities for getting illegal income. The significant role that these factors have played is substantiated by the comparative data obtained from studies of other towns. Contrary to the expectations,

respondents rather infrequently mention among the factors of importance the acute social issues of the last decades such as the impoverishment of the population, lack of job or growth opportunities, alcoholism, or drug addiction; which may be explained by the compensatory mechanism conducive to the drain of active youth from small towns to the more affluent regions of the country.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17-01-00362]

DOI: 10.31857/S086954150001483-1

References

- Bernshtam, T.A. 1988. *Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX – nachala XX v.: polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury* [Youth in the Ritual Life of the Russian Community of the 19th – Early 20th Centuries: The Age-Gender Aspect of Traditional Culture]. Leningrad: Nauka.
- Bocharov, V.V. 2011. Chechenskaia voina kak sotsial'no-vozrastnoi konflikt [The Chechen War as a Socio-Age Conflict]. In *Antropologiya sotsial'nykh peremen* [Anthropology of social transformations], edited by E. Guchinova and G. Komarova, 615–631. Moscow: Rosspen.
- Cincotta, R.P., R. Engelman, and D. Anastasion. 2003. *The Security Demographic: Population and Civil Conflict after the Cold War*. Washington, DC.: Population Action International.
- Demidenko, S. Yu. 2009. Izhevsk. Avtozavod. 1980-e gody [Izhevsk. Avtozavod district. 1980s]. In *Molodezhnye ulichnye gruppировки: vvedenie v problematiku* [Youth street communities. Introduction into the problematics], edited by D.V. Gromov and N.L. Pushkareva, 269–304. Moscow: IEA RAN.
- Durkheim, E. 1996. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labour in Society]. Moscow: Kanon.
- Goldstone, J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56 (1): 3–22.
- Golovin, V.V., and M.L. Lurye. 2008. Ideologicheskie i territorial'nye soobshchestva molodezhi: megapolis, provintsial'nyi gorod, selo [Ideological and territorial communities of youth: a metropolis, a provincial town, a village]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 56–69.
- Gromov, D.V. 2006. Liuberetskie ulichnye molodezhnye kompanii 1980-kh godov: subkul'tura na pereput'e istorii [Street youth companies, Lyubertsy, 1980s. Subculture on the Cross of History]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 23–38.
- Gromov, D.V. 2009. Podrostkovo-molodezhnye ulichnye gruppировки kak ob'ekt etnograficheskogo issledovaniia [Teenager's street groups as an object of ethnographic research]. In *Molodezhnye ulichnye gruppировки: vvedenie v problematiku* [Youth street communities. Introduction into the problematics], edited by D.V. Gromov and N.L. Pushkareva, 8–72. Moscow: IEA RAN.
- Gromov, D.V. 2009. Oprosnik dlia issledovaniia molodezhnykh ulichnykh gruppировок [Hyde for the study of youth street communities]. In *Molodezhnye ulichnye gruppировки: vvedenie v problematiku* [Youth street communities. Introduction into the problematics], edited by D.V. Gromov and N.L. Pushkareva, 257–268. Moscow: IEA RAN.
- Jenkins, J.C. 1983. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements. *Annual Review of Sociology* 9: 527–553.
- Kabakova, G.I. 2004. Paren' [Guy]. In *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. thnolinguistic dictionary], edited by N.I. Tolstoy, 3: 633–635. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Kon, I.S. 2009. *Mal'chik – otets muzhchiny* [A boy is the father of a man]. Moscow: Vremia.
- Kuleshov, E.V. 2001. Prezentatsiia maskulinnosti v podrostkovoii subkul'ture [Presentation of masculinity in a teenage subculture]. In *Mifologiya i povsednevnost': gendernyi podkhod v antropologicheskikh distsiplinakh* [Mythology and daily life: gender approach in anthropological disciplines], edited by K.A. Bogdanov and A.A. Panchenko, 260–271. St. Petersburg: Aleteia.
- Kuleshov, E.V. 2001. Sobiratel'skaia rabota v Tikhvine: aksiologiya gorodskogo prostranstva [Collecting work in Tikhvin: the axiology of urban space]. *Zhivaia starina* 1: 13–15.

- Kuleshov, E.V. 2002. "Rytsari" podvorotni. Zametki ob ulichnykh podrostkakh goroda Tikhvina [Knights of the gateway. Notes on street teenagers of the city of Tikhvin]. *Na putiakh k novoi shkole: Na storone podrostka* 2. <http://altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/7/5>
- Pliusnin, Yu.M. 2013. Svoi i chuzhie v russkom provintsial'nom gorode [Its and strangers in the Russian provincial town]. *Mir Rossii* XXII (3): 60–93.
- Schomaker, R. 2013. Youth Bulges, Poor Institutional Quality and Missing Migration Opportunities – Triggers of and Potential Counter-Measures for Terrorism in MENA. *Topics in Middle Eastern and African Economies* 15 (1): 116–140.
- Shchepanskaya, T.B. 2001. Zony nasiliia (po materialam russkoi sel'skoi i sovremennykh subkul'turnykh traditsii) [Zones of violence (based on materials of Russian rural and modern subcultural traditions)]. In *Antropologiya nasiliia* [Anthropology of violence], edited by V.V. Bocharov and V.A. Tishkov, 115–177. St. Petersburg: Nauka.
- Sleptsova, I.S. 2013. Draki i inye sposoby povysheniia muzhskoi samoootsenki v proshlom i nastoiashchem [Fights and other ways to increase male self-esteem in the past and the present]. In *Rossiiskaia povsednevnost' v zerkale gendernykh otnoshenii* [Russian everyday life in the mirror of gender relations], edited by N.L. Pushkareva, 799–837. Moscow: NLO.
- Stivenson, S.A. 2006. Kazanskii leviafan: molodezhnye territorial'nye gruppirovki i problema sotsial'nogo poriadka [Kazan leviathan: youth territorial groupings and the problem of social order]. *Otechestvennye zapiski* 3: 97–110.
- Yanitskii, O. 2004. Risk-solidarnosti: rossiiskaia versiia [Risk-solidarity: the Russian version]. *Inter* 2–3: 52–62.
- Zubok, Yu.A. 2003. *Problema riska v sotsiologii molodezhi* [The problem of risk in the sociology of youth]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoi gumanitarno-sotsial'noi akademii.